

А.К. Салмин, А.И. Терюков

ГЕОРГ УНФЕРЦАГТ И ПЕРВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

В настоящее время авторы этих строк разрабатывают тему «Первая коллекция одежды народов Волго-Камья». Речь идет о периоде 1719–1747 гг. Известно, что тогда в Кунсткамеру поступила названная коллекция, и она была на экспозиции. Однако пожар 1747 г. уничтожил изучаемые экспонаты. Тем не менее остался некий комплект точных рисунков с этих предметов. Пока нами выявлено около 50 таких рисунков. Авторство их и составляет проблему изучения.

В понятие «Волго-Камье» мы включаем крупный регион, охватывающий бассейны рек Волга и Кама, где проживают башкиры, марийцы, мордва, русские, татары, удмурты и чуваша. Традиционная культура всех этих народов или имеет прямое отношение к наследию Волжской Булгарии, или она испытала ее сильное влияние. Общность культуры сформировала много общего и в одежде этих народов. Чем ближе исторически мы приближаемся ко времени существования Волжской Булгарии, тем больше общего. Поэтому самые ранние реальные образцы костюма народов Волго-Камья имеют архиважное значение.

Рассматриваемые предметы одежды оказались в Кунсткамере в результате академических экспедиций в Сибирь во втором и третьем десятилетиях XVIII в. Если учесть, что они были изготовлены в тот период, а часто и ранее, то можно говорить об образцах одежды, по крайней мере, второй половины XVII в. и даже XVII в. в целом. Более ранних свидетельств об одежде народов Волго-Камья просто нет.

Первоначально коллекция экспонатов музея была зарисована в количестве не менее 4000 листов. На сегодняшний день из них обнаружено более двух тысяч рисунков¹. Теперь исследователи пытаются выяснить, где, кем и когда выполнялись эти рисунки. Рассматривают-

ся три локуса: 1) в поле во время экспедиции самими собирателями, 2) позднее в Петербурге в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны или 3) в самом здании Кунсткамеры.

За редким исключением, авторы рисунков не оставляли ни свои фамилии, ни подписи. Однако по составленным тогда рукописным и опубликованным каталогам экспонатов, а также по сохранившимся в архивах рисункам можно с определенной долей вероятности провести реконструкцию музейных шкафов с выставленными предметами.

Рассматриваемую проблему следует решать в широком контексте обстоятельств в Кунсткамере. Здесь очень важны и личности, и взаимоотношения между сотрудниками, и сложившиеся ситуации в Академии наук. Но в центре внимания остаются вещи, составлявшие коллекцию первой выставки одежды народов Волго-Камья, а также рисунки с этих вещей.

Экспонаты в Кунсткамеру поступали как из специальных академических экспедиций, так и в виде даров от отдельных персон. Рассматриваемая коллекция, полагают авторы этих строк, поступили из 8-летней экспедиции Даниила Готтлиба Мессершмидта².

Другим лицом, имевшим отношение к изучаемой коллекции экспонатов, был Г.И. Унферцагт. В 1719—1720 гг. он находился с посольством Л.В. Измайлова в Цинской империи. Кстати, именно с посольством Л.В. Измайлова Д.Г. Мессершмидт проделал путь до Тобольска. И Д.Г. Мессершмидт, и Г.И. Унферцагт проделали путь по Волго-Камью. Будучи в Пекине, Унферцагт в 1721 г. был отправлен одним из участников посольства Лоренцом Лангом в Россию для доставки изготовленных в Китае обоев для царского дворца. Читаем записки Г.И. Унферцагта по пути в Сибирь: «17 октября 1719 г. В 10 часов утра мы прибыли к деревянному монастырю, возвышавшемуся на правом берегу реки Волги в 4 милях от Кусмадемианского; считается, что от монастыря полпути до города Сабаксар. Наконец к вечеру, проплыв 8 миль, или по-русски 40 верст, мы прибыли в Сабаксар. Этот город довольно большой, расположен на правом берегу Волги. Утром 18 октября мы прибыли в местечко, называемое Сундыр, раскинулось оно на правом берегу Волги в 4 милях от Сабаксара. Приблизительно через 1 милю мы приплыли в большую деревню, которая в прежние времена была городом, называвшуюся Ишум. Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше. 19 октября в 8 часов утра мы прибыли в город Сутаски. Расположен он на горе справа от Волги в 80 верстах, или 16 милях, от Сабаксара, очень красивый. Здесь живут свиагер,

или так называемые свияжские татары. Они очень хорошие люди. Во время езды сухим путем я наблюдал их местные обычаи и образ жизни, о чем упомяну на обратном пути. Здесь в Волгу впадает река Сви́яга, протекающая мимо города, от нее и город получил название. Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше. Когда мы добрались до деревни Маркважи, отстоящей от города Свиаски в 2 милях, перед нашим взором вдали появился столичный город Казань. В деревне мы не остановились и в тот же день прибыли в местечко, отстоящее от Казани в 7 верстах <...> 17-го мы прибыли в Казань. На следующий день 18-го я выехал отсюда, и 23-го прибыл в Нижний»³.

Таким образом, первые образцы одежды народов Волго-Камья мы склонны датировать 1719 и 1726–1727 гг., т.е. периодами проезда Даниила Мессершмидта и Георга Унферцагта по маршруту Кузмадемьянск — Сабакзар — Казан — Хлынов и обратно, а не 1725–1760 гг., как это делают авторы книги «Нарисованный музей»⁴.

История рисовального искусства начала XVIII в. в России имеет прямое отношение к изучаемой нами теме. Первая регулярная рисовальная школа была организована при Санкт-Петербургской типографии, основанной в 1711 г., а в 1727 г. гравировальщики были переведены в открывшуюся типографию Академии наук. Федор Черкасов учился в Италии живописному и рисовальному искусству, и в 1729 г. он пытался устроиться учителем рисования в Академической гимназии. И.Д. Шумахер распорядился освидетельствовать его в мастерстве, после чего ему поручили рисовать экспонаты Кунсткамеры. Но очень скоро выяснилось, что Федор Черкасов «явился ленив, возложенных на него обязанностей не выполнял, но пьянствовал», поэтому в том же 1729 г. он был уволен из Академии⁵.

У нас пока нет оснований приписать авторство рисунков с предметов одежды народов Волго-Камья художникам того времени Г.А. Качалову, И.А. Соколову и Ф.Г. Маттарнови, хотя все трое рисовали вещи, привезенные в 1727 г. Д.Г. Мессершмидтом. Известно, что они срисовывали всего 14 предметов из коллекции Д.Г. Мессершмидта — в первую очередь с предметов, добытых из сибирских погребений (например № 249, 251).

В 1732 г. ученик Марии Доротеи и Георга Гзелль А.А. Греков по распоряжению хранителя академического музея И.Д. Шумахера был переведен в Кунсткамеру на должность смотрителя анатомических и зоологических коллекций. Его основной обязанностью стал надзор за сохранностью коллекций, однако в штате Академии наук он по-

прежнему числился учеником живописного искусства. Его кисти принадлежат самые ранние из сохранившихся рисунков с экспонатов Кунсткамеры⁶. Это кирпичи с эмблемами, привезенные из Швеции, и другие аналогичные коллекции. В 1737 г. А.А. Греков был аттестован Георгом Гзелль на звание подмастерья. Одновременно он получил назначение «при анатомии и в Кунсткамере живописное дело исправлять». Он много рисовал — как музейные коллекции, так и анатомические препараты для профессоров анатомии И. Вейтбрехта и А. Кау-Буругаве. Архивные дела пестрят его требованиями о покупке карандашей, кистей, красок, бумаги для рисования «разных курioзных вещей»⁷.

Исходя из данных фактов можно предположить, что Ф. Черкасов и А.А. Греков не могут считаться авторами интересующих нас рисунков: первый проработал очень короткое время, а второй преимущественно был занят рисованием анатомических препаратов и минералогических образцов. Живописец Иоанн Деккер (Decker) принимал участие в Сибирской экспедиции. Однако, по свидетельству И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера от 1744 г., он специализировался на травах и птицах⁸.

Распоряжением по Академии наук от 28 апреля 1747 г. прибывшему из камчатской экспедиции живописцу И.Х. Беркхану следовало срисовывать имеющиеся на верхней галерее Кунсткамеры платья азиатских народов⁹. Из текста распоряжения не ясно, идет ли речь о коллекции или об одном платье. Как писала по этому поводу Т.К. Шафрановская¹⁰, имеющиеся рисунки не позволяют установить, которые из них принадлежат И.Х. Беркхану. Видимо, речь идет об образцах одежды народов не Волго-Камья, а Сибири и Камчатки. В любом случае, творчество этого художника в рамках Кунсткамеры ограничивается 1747–1751 гг.

Ученик-гравировальщик Максим Рыков, писавший посредственно, работал над зоологическими изображениями (змеи, ящерицы, летучие мыши, горные козлы, крокодилы и обезьяны из Северной Америки, Калмыкии и Китая)¹¹.

Интересно, что находящийся на л. 53 об.—54 рисунок местности под названием «*Labirintus Naturis mirabilis*» — видимо, пещера близ Кунгура — помещена в книге Ф.И. Страленберга¹². Автором этого рисунка является один из военнопленных, офицер И.А. Матерн¹³.

В то же время в сохранившемся путевом дневнике Даниила Мессершмидта имеются рисунки, подписанные автором. Например,

цветной рисунок растения *Calceolus*, под которым рукой самого Мессершмидта отмечено: «Рисовал в Тобольске 20 мая 1720 г.»¹⁴. Далее следуют другие рисунки с аналогичными подписями. Д.Г. Мессершмидт, находясь в экспедиции, часто срисовывал чучела птиц и другие вещи, повесив их за гвоздь. Рисунки выполнялись как карандашом, так и акварелью. Он же немедленно срисовывал и археологические находки (например, фрагмент бронзового зеркала¹⁵. Л. 42: цветной рисунок птицы на Волге. На л. 43 рисунок странной птицы (перепелица?). Л. 46: рисунок кости мамонта на бумаге большого формата, рисовано коричневым карандашом. Подпись: «рисовал Д.Г. Мессершмидт». Л. 47: рисунок кости мамонта коричневым (!) карандашом. Подпись: «Н.Н. Rusfil.» (псевдоним? — А.Т., А.С.).

Можно и далее приводить примеры рисунков, на которых имеются личные подписи Д.Г. Мессершмидта. Это девять металлических пластинок¹⁶, три металлические пластинки¹⁷, удила и двое стремян¹⁸, инструменты, которыми управляют слоном¹⁹, украшения поясов из Сибири²⁰, металлическое зеркало²¹, чучело птицы типа мухоловки²².

В экспедиции Д.Г. Мессершмидту были прикреплены два денщика, а обещанные два русских рисовальщика так и не появились. В Сибири ему удалось воспользоваться услугами художников-земляков, а в Волго-Камье таких помощников у Д.Г. Мессершмидта не было. О том, что вещи приходилось срисовывать самому, не раз писал ученый из экспедиции в Академию наук²³. «Сенсационными были его зарисовка пещерных и наскальных рисунков доисторического периода и древней эпохи. Он подтвердил находки скелетов мамонтов»²⁴. О том, что Д.Г. Мессершмидт из экспедиции присылал и рисунки, свидетельствовал работавший в Академии молодой Г.Ф. Миллер, выполнявший в то время поручения канцелярского и протокольного плана: «Со своего путешественного маршрута он часто посылал в Медицинскую канцелярию донесения, описания и рисунки»²⁵. Таким образом, почти все вещи, собранные в экспедиции, Д.Г. Мессершмидт срисовывал тут же.

По рисункам, выполненным в экспедиции Д.Г. Мессершмидтом, гравированы таблицы ботанического труда И. Аммана. Книга напечатана в издательстве *Retropolis* в 1739 г. Здесь помещены 34 листа иллюстраций-иконок. Заставки исполнены Ф.Е. Маттарнови²⁶.

В 1721–1722 гг. библиотекарь и смотритель Кунсткамеры И.Д. Шумахер по поручению Петра I знакомился с музеями и библиотеками Франции, Германии, Голландии и Англии. Он выступил на заседании

Парижской Академии наук. Представив карту Каспийского моря, И.Д. Шумахер сообщил также об описании птиц Сибири, выполненном Д.Г. Мессершмидтом. Из газеты «Gazette de France» узнаем, что И.Д. Шумахер взял с собой рисунки птиц, археологических находок, часть которых сделал Д.Г. Мессершмидт²⁷. Мы не исключаем, что среди рисунков, взятых для иллюстрации в Парижской Академии наук, были и образцы одежды народов Волго-Камья.

М.Г. Новлянская в своей книге о Д.Г. Мессершмидте, в частности, пишет: «Блюментрост обвинил Мессершмидта в желании утаить некоторые привезенные из Сибири вещи, подлежащие сдаче в Кунсткамеру. В качестве примера он привел случай с гравером Академии наук Г.И. Унферцагтом, у которого обнаружили несколько рисунков, переданных ему Мессершмидтом для снятия копий. <...> Академии наук Мессершмидт был не нужен, не нужен даже для систематизации переданных им материалов, так как эта работа была проделана им еще в бытность его в Сибири. Его материалы нуждались только в авторской обработке для их опубликования, а в этом <...> не были заинтересованы ученые Академии наук, которым было поручено разобраться в материалах Мессершмидта»²⁸. Конечно, М.Г. Новлянская тут совершенно права.

Г.И. Унферцагт (Unvertzagt Georg Johann) родился в конце февраля 1701 г. в Копенгагене, умер 30 апреля 1767 г. в Петербурге. Его фамилия в переводе с немецкого значит «Бесстрашный». Г.И. Унферцагт — «сын немецкого придворного гравера. Участвовал в действиях шведской армии Карла XII, в 1717 г. попал в русский плен. <...> После Ништадтского мирного договора (1721) остался в России»²⁹. С 1726 г. состоял в штате Академии наук в качестве мастера ландкартно-словорезного дела. Об этом в бумагах Академии наук сделана запись за подписью Президента: «По указу Ея И.В., велено при академии наук Юрию Югану Унфорцахту быть грыдоровальщиком и определить ему жалованья сто двадцать рублей на год, квартиру, дрова и свечи. И выдать ему на нынешний 1726 год, с 15-го июня сентября по первое число, жалованья двадцать пять рублей, с роспискою, и на шет академический поставить»³⁰. А 15 ноября того же года Л.Л. Блюментрост своей рукой выписывает жалование «грыдоровальщику Унфорцахту 40 рублей»³¹. Это было за год с лишним до возвращения из экспедиции Д.Г. Мессершмидта.

Жил Г.И. Унферцагт в доме генерала Бона на Васильевском острове³². Этот дом назван так по имени генерала Г.И. Бона, также прожи-

вавшего там. Вообще дом вместе с садом выходил как на 1-ю, так и на 2-ю линии. Его еще называли «Ботаническим», т.к. квартировали в нем профессора ботаники. В этом же деревянном доме в каменном подвале жили «грыдоровальщики» Адам Вортман и Оттомар Эллигер. В 1740-х годах сюда поселили М.В. Ломоносова. Теперь на этом месте между Средним и Малым проспектами находится здание школы (дом № 43 по 2-й линии). Соседом жильцам дома Бона был прадед Пушкина — А.П. Ганнибал (1698 г.р.). На 2-й же линии жил библиотекарь Кунсткамеры Иван Шумахер.

С открытием типографии Академии наук в 1727 г. Г.И. Унферцагта переводят туда. В 1728 г. в типографии работали девять граверов, среди них гравер литер и карт Г.И. Унферцагт. В 1720—1740-х годах Г.И. Унферцагт много работал по переводу рисунков на медные листы, т.е. занимался гравировкой³³. В делах Канцелярии Академии имя штатного мастера живописи Г.И. Унферцагта значится на многих листах — в приказах, инструкциях, переписках, в ведомостях о зарплате, отчетных рапортах о выполненных работах. Так, в списке личного состава учреждения Академии (фактически заменявших современные трудовые книжки) за 1733 г. значится, что Georg Unvertzag работает с июня 1726 г., получает 300 руб. Притом в этом списке все другие сотрудники имеют стаж работы в Академии меньше, чем Г.И. Унферцагт — на год и более. Среди них — Ottomar Elliger, Joh. Georg Köhler, Philip Matternovÿ (так!), Frantz Berntz, Gregorii Katschalov, Ivan Sokolov³⁴.

В архиве много других документов и автографов о Георге Унферцагте как о «грыдоровальном мастере». Так, в январе 1735 г. он написал прошение «о выдаче ему прошлого 734 года за октябрь и за ноябрь месяцы жалованья всего 50 рублей». На этом документе стоит пометка «вершеное»³⁵. В Академических палатах вели тетрадь о приходе и уходе служителей, куда всем следовало собственноручно вносить часы работы «по утру и после обеда». В списке служителей Российской и немецкой типографии за 1744 г., например, фигурируют сотрудники ландкартного и словорезного дела Георг Унферцагт, Михайла Махаев, Андрей Поляков и другие. Притом в тетради часто отмечалось, что М. Махаев болел³⁶.

В мае 1728 г. Георг Унферцагт написал объяснительную записку по делу Д.Г. Мессершмидта и свидетельствовал, «что он со многих его, доктора Меснершмидта, плантов и куриозных вещей рисованных копий снимал»³⁷. Но в связи с тем, что руководство Академии наук сильно давило на Д.Г. Мессершмидта, уже в августе того же года гравер

Г.И. Унферцагт стал утверждать, что доктор Д.Г. Мессершмидт заставлял срисовывать привезенные им вещи. А в разговоре с Президентом Медицинской канцелярии Иоганном Блюментростом, непосредственно курировавшим дела Д.Г. Мессершмидта, Георг Унферцагт и вовсе отрицал рисование им вещей, привезенных из экспедиции последним³⁸. Хорошо осведомленный о натянутых отношениях своего соплеменника Даниила Мессершмидта с руководством Академии, Георг Унферцагт не рисковал ставить подписи под своими рисунками с вещей из Сибири. В такой ситуации он вынужден был дистанцироваться от земляка.

Иначе говоря, Георг Унферцагт, помимо рисования вещей, привезенных из Волго-Камья и Сибири, делал копии с рисунков, выполненных Д.Г. Мессершмидтом. Таким образом, можно констатировать, что с некоторых вещей имелись как рисунки-оригиналы, преимущественно выполненные самим Д.Г. Мессершмидтом, так и копии с этих рисунков, выполненные Г.И. Унферцагтом.

Георг Унферцагт также готовил гравюры на меди планов Императорского столичного города — Санкт-Петербурга. Например, сохранились планы-карты от 1737 и 1741 гг., являющиеся первыми русскими печатными планами города, составленными на основании топографической съемки, проводившейся Петербургской Академией наук с 1729 г.³⁹ Он же изготовил гравюру Генеральной карты Российской империи⁴⁰. Это первая Генеральная карта Российского государства, созданная на научной основе с использованием материалов инструментальной съемки и новейших экспедиционных данных.

Г.И. Унферцагт является учителем художника-гравера М.И. Махаева, впоследствии прославившегося многочисленными гравюрами видов Санкт-Петербурга. И.А. Соколов, Г.А. Качалов, Ф.А. Бернц, Г.М. Абузов, А.И. Поляков, Дж.Г. Кёхлер, А. Греков, Ф. Маттернови, Я. Нечаев и А. Спиридонов также его ученики. Все они и другие «гридорованного, ландкартного и каменорещицкого дела подмастерья» проходили обучение у мастера Г.И. Унферцагта⁴¹.

В июне 1743 г. мастер Г.И. Унферцагт «по определению Канцелярии Академии наук отрешен» от работы, а вместо него поставлен его ученик — «ландкартного и словорезного художества подмастерье Михайла Махаев»⁴². С 1746 г. Георг Унферцагт работал мастером в Морском шляхетном кадетском корпусе.

Д.Г. Мессершмидт и Г.И. Унферцагт опирались прежде всего на опыт рисовального искусства в Западной Европе, который они полу-

чили при своей учебе до прибытия в Россию. До 1720-х годов в России своего опыта по созданию научных рисунков еще не было, Петербургская академия только создавалась, а собственные художники еще находились на стадии обучения. Конечно, очень странно, что авторы книги «Нарисованный музей» даже не включили Д.Г. Мессершмидта и Г.И. Унферцагта в список художников, создавших «Нарисованный музей», в то время как их ученики в списке значатся.

Что касается рисунков с вещей из Волго-Камского региона, поступивших после издания в 1741 г. второго тома «*Musei Imperialis Petropolitani*»⁴³, в частности свадебных платков и покрывал на подушку, и размещенных наряду с ранее поступившими вещами в шкафу № X по этому каталогу, то они, естественно, выполнялись в условиях Музея. Об этом свидетельствует манера рисования и единые стандарты листов бумаги. Для определения времени их выполнения следует рассмотреть период с 1741 по 1747 гг., т.е. период от издания второго тома «МІР» до пожара в Кунсткамере, а не только 1747 г., как это полагает Л.П. Павлинская⁴⁴. Подлежат уточнению и мнение Т.К. Шафрановской о том, что рассматриваемые вещи срисовывались в 1732–1752 гг.⁴⁵, и предположение З.Д. Титовой о выполнении зарисовок в 1738 г.⁴⁶

На основе анализа приведенных данных в целом мы можем датировать выполнение рисунков с образцов одежды народов Волго-Камья, хранившихся в Кунсткамере, 1719–1747 гг. Авторами большинства рассматриваемых рисунков являются Д.Г. Мессершмидт и Г.И. Унферцагт.

Итак, коллекция вещей, с которых выполнены рассматриваемые рисунки, была собрана в экспедиции Даниилом Мессершмидтом в 1719–1727 гг. В 1741–1747 гг. эта коллекция была пополнена. Рассмотренные рисунки принадлежат Даниилу Мессершмидту и Георгу Унферцагту, а поздние — художникам из типографии Петербургской Академии наук. Образцы одежд, привезенные Даниилом Мессершмидтом и Георгом Унферцагтом, принадлежат марийцам, мордве, татарам, удмуртам, чувашам и новгородцам. Дальнейшие находки и исследования должны расширить и уточнить тему. Но роль Даниила Мессершмидта и Георга Унферцагта в ней останутся незыблемыми.

1. Кистемакер Р.Э., Копанева Н.П., Мейерс Д.Й., Вилинбахов Г.В. Введение // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 10.

2. Салмин А.К., Терюков А.И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2010. Вып. 3. С. 42–51; Терюков А.И., Салмин А.К. Первая коллекция одежды народов Волго-Камья // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 58–162.

3. Унферцагт Г.И. Записки о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг.: Пер. Т.К. Шафрановской // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М.: Гл. ред. вост. лит.-ры, 1978. С. 559, 579; Unverzagt Georg Johann. Die Gesandtschaft Ihro Kayserl. Majest. von Groß-Rußland an den Chinesischen Kayser. Lübeck: Johann Christian Schmidt, 1725. S. 20–21.

4. Кистемакер Р.Э., Копанева Н.П., Мейерс Д.Й., Вилинбахов Г.В. Введение... С. 5.

5. Стецкевич Е.С. Художественные палаты Петербургской Академии наук и создание рисунков экспонатов Кунсткамеры // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 44–47.

6. РАН. Р. IX. Оп. 4. 272, 273, 706, 714.

7. Стецкевич Е.С. Художественные палаты... С. 47.

8. РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 94. Л. 36–43.

9. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VIII (1746–1747). СПб.: Изд. Имп. АН, 1895. С. 441.

10. Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 152.

11. Шафрановская Т.К. Часть II // Карпеев Э.П., Шафрановская Т.К. Кунсткамера. СПб.: Алмаз, 1996. С. 114.

12. Strahlenberg Ph.J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Afia. Stockholm: Autoris, 1730. S. XII tabl.

13. Ярош Г. Ф.И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Известия Сибирского отделения АН СССР: Сер. общественных наук. 1968. № 1, вып. 1. С. 71.

14. РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

15. РАН. Р. IX, Оп. 4. 2840.

16. Там же. Л. 282.

17. Там же. Л. 283.

18. Там же. Л. 286.

19. Там же. Л. 287.

20. Там же. Л. 294.

21. Там же. Л. 314.

22. Там же. Л. 629.

23. РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 114–116.

24. Винтер Е. Научное исследование Сибири в петровское время: Семилетняя научная экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М.: Наука, 1971. С. 7.

25. Миллер Г.Ф. Избранные труды. М.: Янус, 2006. С. 575.
26. Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. док. Л.: Наука, 1985. С. 14, 206.
27. Копанева Н.П. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: цели создания и практическое использование // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. Т. II. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 7.
28. Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. С. 154–156.
29. Семенцов С.В. Именной указатель // Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.: Эклектика, 2004. С. 422.
30. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. С. 192.
31. РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
32. РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 618.
33. *Prosés-verbaux des séances de l'Académie Imperiale des sciences depuis sa foundation jusqu'à 1803*. Т. I: 1725–1743. СПб.: Имп. АН, 1897. S. 16, 151, 153.
34. РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 17. Л. 1 и др.
35. РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.
36. РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1. Л. 13–30.
37. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730)... С. 382.
38. Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.
39. Унферцагт Г.И. План Императорского столичного города Санкт-Петербурга. Гравированный. 392×613 мм. СПб.: Петербург. АН, 1737; Унферцагт Г.И. План Императорского столичного города Санкт-Петербурга. Гравюра на меди. 39 x 61 см. СПб.: Петербург. АН, 1741.
40. Унферцагт Г.И. Генеральная карта Российской империи. Гравированная. СПб.: Петербург. АН, 1734.
41. РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1.
42. РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 341.
43. *Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II: Pars prima qua continentur res artificiales. Petropolitanae: Typis Academiae scientiarum*, 1741.
44. Павлинская Л.Р. Рисунки коллекций Петербургской Кунсткамеры XVIII в. с предметов культуры народов Сибири и Поволжья // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 253–256.
45. Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры... С. 147; Она же. Часть II... С. 97.
46. Титова З.Д. Путешествие по указу Петра I: Из дневника Д.Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 22.